А. В. Архангельская

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ СТИХОТВОРНЫХ ФАЦЕЦИЯХ XVIII века

Животный мир издавна привлекал внимание книжников. Еще в период становления древнерусской литературы в XI–XII вв. на славянский язык был переведен «Физиолог» – сборник, основой содержания которого являются рассказы о тех или иных особенностях природы животных. Эти рассказы используются в качестве аллегорий для разъяснения определенных мест Священного Писания или христианских догматов. Д.С. Лихачев писал в свое время об изображении природы в древнерусских произведениях так: «Вся природа, с точки зрения авторов природоведческих сочинений средневековья, лишь откровение Божие, книга, в которой можно читать о чудных делах Всемогущего. Природа не имеет индивидуальных черт»[1].

Однако древнерусская литература знает и животных-героев (лев старца Герасима из переводного «Синайского патерика», медведь преподобного Сергия Радонежского из его «Жития», змий, обернувшийся кольцом вокруг заброшенного города, из «Слова о Вавилоне», черная курочка из автобиографического повествования протопопа Аввакума и другие). Иногда они оказываются главными действующими лицами в повествовании: таков «дивий зверь» Китоврас из «Сказаний о Соломоне» или Стефанит, Ихнилат, Лев и Телец из «Стефанита и Ихнилата». Встречаются в ранней русской словесности и превосходно описанные повадки зверей («Слово о полку Игореве»), но чаще всего образы животных и их поведение представляют собой некие символы (единоборство орла и змеи в «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера, заяц в «Повести о Петре и Февронии Муромских», многочисленные образы животных в «Великом зерцале» и многие другие)[2].

Предметом настоящей статьи будет, как представляется, некий промежуточный этап в истории русской литературы, когда она уже отходит от средневекового символизма, но в ней еще не появляется художественный образ природы. Мы рассмотрим использование образов животных в текстах стихо-

творной редакции фацеций (1730–1750-е гг.), популярных в демократических читательских слоях в середине – второй половине XVIII в.

Конечно, по большей части авторы русских стихотворных фацеций интересуются людьми и человеческими взаимоотношениями. Поэтому животные, попадающие в их поле зрения, оказываются, разумеется, на периферии действия. Тем не менее, в ряде случаев выпадающая им роль оказывается довольно существенной.

Чаще всего в текстах фацеций появляются домашние животные. Поскольку героями часто оказываются крестьяне, то перед читателем обычно предстают коровы, лошади, овцы, собаки и кошки.

В нескольких новеллах речь идет о пастухах, в связи с этим обычно упоминаются пасомые животные. В фацеции «О настухе с овцами» овечий пастух пытается стать купцом, попадает в кораблекрушение, теряет все свои товары и возвращается к своим овцам[3]. Овцы упоминаются в начале и в конце текста, благодаря чему возникает своеобразная кольцевая композиция: герой возвращается к тому, с чего начинал, не достигнув ничего на том пути, который казался ему легким и выгодным. В фацеции «О малом безумном» другой овечий пастух потешается над хозяевами овец, поднимая тревогу без повода; в результате волки безнаказанно воруют у него овец, поскольку его крики никто уже не воспринимает всерьез[4]. Очень много животных упоминается в фацеции «О пастухе»: потерявший теленка пастух просит Юпитера, чтобы тот показал ему вора, и обещает за это козла. Юпитер предъявляет пастуху виновника, им оказывается лев (который, кстати, наиболее подробно характеризуется в тексте, поскольку автор использует эпитет, обозначающий возраст животного: лев назван «старым»). Испугавшийся пастух просит Юпитера немедленно убрать это страшилище, обещая в знак благодарности уже не козла, а «целова быка»[5]. Очевидно, что во всех этих случаях главной целью автора является исчерпывающая характеристика героя, поэтому животные здесь выполняют вспомогательную функцию, конкретизируя обстоятельства действия или само действие. Именно с этой целью связан тот факт, что большинство животных не является действующими лицами в сюжете фацеции, а только лишь называются.

В ряде случаев рассказывается о ловкой краже лошади, овцы или коровы. Животные, на которых сосредоточен инте-

рес всех персонажей, и здесь, как правило, только называются. Так, в фацеции «О ворах» сообщается о том, что воры присмотрели на рыночной площади «крестьянина с лошадью», описывается, как один из воров снимает уздечку с лошади и надевает на себя, другой быстро уводит лошадь, а третий начинает ругаться на крестьянина за то, что тот вместо лошади взнуздал человека; глупый крестьянин в финале новеллы остается в полной уверенности, что «ево лошадь оборотилась»[6]. Похожая ситуация имеет место в фацеции «О мошенниках»: мужик ведет на рынок корову, воры, идущие перед ним, бросают на землю мелкие монеты, мужик подбирает их и не замечает, как корову отвязывают[7]. В фацеции «О ворах с пастухами» рассказывается о ловкой краже овец из стада, сопряженной с отвлеканием пастухов имитацией рыбной ловли при помощи топора: и овцы, и рыбы в этом случае лишь называются, но даже не появляются в поле зрения читателя[8]. Более пространный вариант этой ситуации встречаем в фацеции «О воре». Здесь идет речь о фантастически ловкой краже коровы у крестьянина, причем в тексте новеллы упоминаются характерные признаки животного: «буренушка» или «бурая корова»[9], в одном из сборников эта характеристика даже попадает в заглавие, и текст называется «Сказка о воре и бурой корове»[10]. В печатной редакции «Старичка-весельчака», отличающейся большей литературностью по сравнению с рукописными вариантами, вор отмечает и другие достоинства коровы: «статна, здорова»[11]. Таким образом, в этих случаях животные играют в определенном смысле сюжетообразующую роль (как непосредственный объект кражи, на которой сосредоточено основное внимание автора), но в тексте оказываются пассивными участниками подчас довольно сложных интриг и человеческих взаимоотношений.

С несколько иной ситуацией мы имеем дело в фацеции «О колесах, что родят». Здесь лошадь, ожеребившаяся около чужой телеги, и ее детеныш становятся почти главными действующими лицами. Именно от поведения новорожденного жеребенка зависит, кого из двух крестьян судья признает его истинным хозяином. В результате «немазаныя колеса заскрыпели, / глупой жеребенок за ними пошол, / подлинной хозяин а прочь отошол»[12]. Конечно, эта развязка комически подчеркивает извращение идеи справедливого суда, поэтому и здесь на первом плане оказываются общественные отношения. В отличие от сказочного варианта этого сюжета, решение судьи отдать жеребенка тому, за кем он пойдет, мотивировано в тек-

сте фацеции не глупостью или корыстолюбием, а стремлением «обоим равно угодить»[13]. Таким образом, поведение жеребенка представляет собой случайность, которая в итоге и решает «спорное» дело.

В фацеции «О календарщике» важную роль играют свиньи. Приехавший в Россию немецкий ученый муж – составитель календарей – выходит на улицу, чтобы по звездам узнать, какая будет погода, и обнаруживает, что все признаки предвещают «красной день и ночь спокойну». В это время тишину нарушает истошный визг свиней, после чего следует реплика хозяина: «вот, жена, наши свиньи завизжали, / небось они скоро непогоду узнали, / конечно в ночи дожжик будет, / их календарь во лжи не будет». В результате ночью действительно идет дождь, и немец почитает за лучшее убраться восвояси из этой диковинной страны, где «уже и свиньи лутче календаря знают»[14]. Таким образом, в этой фацеции возникает эмоционально сильная оппозиция (свиньи, оказывающиеся носителями истинного знания, противостоят немецкому ученому), которая может рассматриваться и как смеховая форма протеста против иностранной науки.

В фацеции «О шуте и о гостях его» в качестве второстепенного персонажа появляется собака: привлеченная грязной и засаленной шубой жены шута, она «стала лаять и жестоко бросатца» на женщину[15]. Другой вариант «собачьей темы» представляет фацеция, условно названная нами «О господине, слуге и постельной собачке»: здесь, видимо, речь идет о комнатной собачке, которая привыкла сидеть на коленях у своего господина[16]. Фацеция восходит к эзоповской басне «О осле, скачущем на лоно господина своего» и представляет собой промежуточный этап процесса перехода от басенной формы к новеллистической, связанного с превращением персонажей-животных в персонажей-людей: «малой пес»[17] басни в фацеции оказывается комнатной собачкой (т. е. сохраняется принадлежность персонажа к животному миру), а осел – слугой (т. е. имеет место «очеловечивание» животного, в целом, по наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, характерное для фацециальных обработок басенных сюжетов[18]). Как кажется, этот текст интересен и с культурологической точки зрения, но, к сожалению, он известен нам только в одном дефектном списке, и в настоящее время не представляется возможным установить, насколько подробно описывалось в нем новое дворянское развлечение XVIII столетия.

Попадают на страницы сборников фацеций и кошки. Героиня новеллы «О глупой жене», поставив в печку жаркое на оловянной тарелке и обнаружив, что тарелка расплавилась, не нашла ничего лучше, как сказать мужу, что «кошка мясо и с тарелкой съела». В результате муж, наказывая жену за глупость, бьет кошку, привязав ее к спине незадачливой женщины[19]. Есть фацеция, в которой кошка является главной героиней. Это восходящий к басне Эзопа текст «О молодом человеке», в котором рассказывается о герое, полюбившем кошку и умолившем Венеру, чтобы та превратила кошку в девушку. Впоследствии Венера, решив испытать героиню, подкинула в комнату мышь, и бывшая кошка не смогла противиться исконной природе и «бросясь за мышью, начала ее вертеть». Разгневанная богиня вернула девушке первоначальный облик, а автор фацеции заключил повествование тезисом о невозможности переменить «природу»[20]. Представляется, что в случае собак и кошек для автора важно обратить внимание читателя на яркую и всем известную особенность поведения животного (собаки прежде всего лают и бросаются на людей, кошки воруют съестное и охотятся на мышей).

Существуют тексты, в которых образы животных выполняют свойственную жанру басни аллегорическую функцию. Так, герои фацеции «О дворянине и мужике» сравнивают друг друга с домашними животными по принципу сходства «натуры». Дворянин, узнав, что мужики отдыхают и веселятся зимой, когда нет работы в поле, говорит: «Ажно у вас самая бывает свиная натура». В ответ на рассказ о том, что благородные господа веселятся весной, преимущественно в мае, мужик аналогичным образом характеризует дворян: «В маие месяце веселиитца тогда моя кобыла, / тако ж, как ты, себя забавляет, / очинь весело по полю гуляет / и поет часто: ги ги го, / и сие пение паче всего»[21].

Случаи упоминания диких животных очень малочисленны. В новелле «О мужике и мясничихе» незадачливый «деревенский мужик», купив мяса, встречает в перелеске волка, который «посик узрев, ухватил / и тово ж часу прытко в лес покатил». Волк в данном случае напоминает своим поведением скорее фольклорного героя, чем реального зверя-хищника. Комический эффект основывается на том, что расстроенный мужик, бросив на этом месте записку, в которой говорилось, как надо варить мясо, и отойдя от этого места «6 верст», «надумавши сказал: нет, здесь волк найдет / и записку мою прочтет, / так

как будет знать, как мяса варить», возвращается и рвет записку на мелкие клочки[22].

В одном из рукописных сборников читается нетрадиционный финал фацеции «О непостоянной жене»: вместо примирения незадачливого мужа с неверной, но хитрой женой рассказывается о том, как любовник обманом выманил мужа из дома и затем организовал побег закрытой в клети жене. В этом эпизоде фигурирует «медведок», привязанный к столбу, чтобы привлечь внимание хозяйских собак: собаки бросаются за медведем, хозяин за собаками, а жена и ее любовник убегают из оставленного без присмотра дома[23].

В некоторых случаях речь идет об охоте. Так, в фацеции «О купцовой жене и о прикащике» муж-купец говорит жене, что ходил «с протчими купцами птиц стрелять»[24]. Здесь это просто один из эпизодов, мотивирующий спор между супругами о способности к меткой стрельбе, а затем — появление ружья, из которого купец будет стрелять в картину, за которой скрывается приказчик. Результаты охоты (точнее — удачного выстрела в сердце животному) обсуждаются в фацеции «О господине и дураке», но с некоторыми разночтениями: в одном варианте говорится об охоте на «предивного оленя»[25], в другом — на зайца[26]. В двух текстах упоминается рыбная ловля. Один из них рассматривался выше, так как в нем главным является мотив ловкой кражи, а рыбалка оказывается мнимой и представляет собой лишь хитрую уловку[27]. Второй же — «О рыбаке с дудкою», восходящий к басне Эзопа, — уже непосредственно посвящен рыбной ловле: рыбак выходит на берег реки с «дудкой», полагая, что звуки музыки привлекут рыб, но не преуспевает в этом и, рассердившись, закидывает в реку сети. Далее описывается типичное для выловленных рыб поведение: они «на берегу / по их природе очень прыгали в кругу». Глупый рыбак, однако, интерпретирует это поведение по-своему, принимая прыжки за танцы и упрекая рыб за то, что они танцуют сейчас, а не тогда, когда звучала музыка[28]. В русских переводах соответствующей басни Эзопа существуют разночтения: в одной книге мораль звучит так: «Притча ко иже при словесех и времени настоящее и подобающее творящих»[29]; в другой — еще более конкретно: «Всякому делу свое время пристоит: когда плачют, тогда не скачат»[30]. В обоих случаях «мораль» позволяет распространить комический эффект басни не столько на рыбака, несвоевременно увлекшегося музыкальной игрой в то время, когда следовало забрасы-

вать сети, сколько на рыб, танцующих не тогда, когда имеет место музыкальное сопровождение. В отличие от басни, в фацеции однозначно осуждается глупость рыбака («глупой дурак / и тому был рад»)[31]. Таким образом, рыбы в этой ситуации перестают быть активными участниками сюжета: речь, как и во многих предыдущих случаях, идет лишь об остроумном обыгрывании автором их повадок, об игре смыслами, на которой базируется обличение глупости человека, немотивированно усложняющего естественное явление.

В двух текстах упоминаются насекомые – досаждающие людям мухи («О господине с дураком»)[32] и блохи («О глупом крестьянине»)[33]. Здесь, как представляется, можно усматривать нарочитое (в целом характерное для фацеций) снижение на тематико-стилистическом уровне.

В нескольких фацециях речь идет о птицах. Так, герои новеллы «О господине со слугою» выходят считать ворон на крыше. Господин, который ищет повод придраться к слуге, приказывает последнему посмотреть, сколько ворон сидит на крыше, говоря: «Ежелы ты, слуга, двух ворон увидишь, / то весь день щаслив будешь». Слуга, выйдя во двор, действительно видит двух ворон. Господин, предполагая, что слуга ему лжет, также выходит во двор, но застает на крыше уже только одну ворону и приказывает жестоко бить слугу за обман. В тот момент, когда происходит подготовка к наказанию, господина приходят звать в гости. Ситуация разрешается благодаря остроумному ответу слуги («нет, господин, ты не так угадал: / я и двух ворон видел, меня велишь бить, / а ты и одну, да хочешь на обед иттить; / какое жъ мое щастие потому, / впредь нелзя верить вашим словам никому»)[34], что органически укладывается в основные положения барочной эстетики. Кроме того, можно предположить, что данный текст представляет собой комическое обыгрывание древнего эпико-мифологического мотива предсказания судьбы по поведению птиц.

Несколько особняком стоит фацеция «О пьянице», рассказывающая о молодом мещанине, подверженном греху пьянства. Пропив все свое имение, он увидел на улице ласточку, прилетевшую «прежде лета», подумал, что морозов больше не будет, и продал последнюю теплую одежду. Финал этой истории оказывается трагическим: «после того на другой или третеи день / жестокая стужа наступила в полдень, / отчего ласточка скоро и умерла / и тем пьянице печаль навела», а фацеция предостерегает от неумеренности и поспешных решений[35].

Близок к сказочным образам чудесный гусь в примыкающей к фацециально-анекдотической литературе новелле «Небылица в лицах». Этот гусь сам приходит на зов хозяина, ложится на сковороду, а потом, будучи зажаренным и съеденным, по слову «гусь, встань, встрепенись» становится «жив по-прежнему». Однако это не единственное чудесное свойство гуся: когда к жене купившего его купца приходит любовник, гусь отказывается ложиться на сковороду, и через некоторое время к нему прилипают и неверная жена, и ее незадачливый возлюбленный, так что ее измена становится очевидной[36]. Фольклорный характер этого образа не вызывает сомнений, поскольку «повадки» гуся совершенно отчетливо противоречат реальным свойствам этой домашней птицы. В этом смысле (как и по целому ряду других параметров) «Небылица в лицах» стоит особняком в фацециально-анекдотической литературе и может быть привлечена к рассмотрению в связи с фацециями лишь на основании косвенных признаков, таких как семейная тематика, смеховая составляющая, а также общий контекст сборника.

К рассмотренным текстам, в которых встречаются образы животных, следует добавить фацецию «О вдове з дочерью», сюжет которой на первый взгляд кажется совершенно непонятным. В ней рассказывается о довольно странном приказе вдовы, которая, уходя в другую деревню в гости на несколько дней, велела остающейся дочери: «Ты после меня двери запри / и тово прилежно наблюдай и смотри: / без меня кто придет, без бороды не отпирай, / разве кто з бородою, тому отворяй». К девушке приходит друг, которого она впускает, зная, «что он молодец з бородою». Когда мать упрекает дочь в нарушении приказа, та отговаривается: «А этот молодец, видиш ли, с бородою, / за што же ты грозиш мне бедою»[37]. Действительно, суть упрека матери оказывается столь же непонятной, как и сам нелепый приказ. Между тем дело проясняется, если учесть, что, скорее всего, источником сюжета этой фацеции стала басня «Волк, козленок и старая коза» из сборника Рожера Летранжа. В ней коза, уходя из дома, запрещает козленку открывать дверь тому, «кто без бороды к нему придет», а когда приходит волк, козленок отвечает: «До тех пор не пущу, пока бороды не покажешь»[38]. Становится понятным, что в процессе перехода от басни к фацеции произошло простое «перенесение» приказания из одной ситуации в другую, осложнившееся превращением героев из животных в людей, в связи с чем

сюжет в фацеции потерял ясность и отчетливость, присущую басне-первоисточнику.

Таким образом, рассмотрение принципов изображения животных в стихотворной редакции русских фацеций позволяет сделать несколько основных выводов. Как и другие окружающие героев подробности (интерьер, быт, одежда), животные попадают в поле зрения авторов довольно редко и только тогда, когда им отводится сколько-нибудь существенная роль в сюжете. В большинстве случаев животные лишь называются, участвуют в действии пассивно и служат главным образом косвенным средством характеристики героя (пастуха, вора и других). Если же животное непосредственно участвует в действии, то чаще всего описываются наиболее типичные для него формы поведения. Животные – герои русских стихотворных фацеций – в основном оказываются чужды как басенной аллегоричности (даже в тех случаях, когда сюжеты фацеций генетически восходят к басенным источникам), так и фольклорной активности (за редким исключением, как правило, в тех случаях, которые генетически восходят к фольклорной традиции).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лихачев Д. С.* Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // История русского романа. В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 34.

[2] Обзору данной темы посвящена статья: *Демин А. С.* Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 89–126.

[3] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 18 об. – 19.

[4] Там же. Л. 17.

[5] Там же. Л. 11 – 11 об.

[6] РНБ, Титова, № 1627. Л. 85 об. – 86.

[7] БАН, Тимофеева, № 2. Л. 21 – 21 об.

[8] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 3 – 3 об.

[9] РГБ, Тихонравова, № 562. Л. 19, 20.

[10] РГБ, ф. 218, № 900. Л. 153 об.

[11] Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были и польские диковины. Б. м., б. г. С. 22. Книга известна в единственном экземпляре в собрании БАН и условно датируется исследователями 1789 годом. Начиная с 1790 г. она выдержала огромное количество переизданий под заглавием «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были».

[12] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 3 об. – 4.

[13] Там же. Л. 4.

[14] ГИМ, Музейское, № 3502. Л. 24–25.

[15] РГБ, Тихонравова, № 562. Л. 41.

[16] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 7.

[17] «Зрелище жития человеческого» в переводе А.А. Виниуса, цит. по: *Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р.* Эзоп на Руси: Век XVII. СПб., 2005. С. 314.

[18] Подробнее об этом см.: *Адрианова-Перетц В.П.* Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в. // Известия ОРЯС АН СССР. Т. II, кн. 2. Л., 1929. С. 377–400.

[19] РГБ, Тихонравова, № 562. Л. 12 – 12 об.

[20] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 8 об. – 9.

[21] РГБ, Тихонравова, № 562. Л. 1 об. – 2 об.

[22] РНБ, Титова, № 1627. Л. 71 – 71 об.

[23] ИРЛИ, Перетца, № 404. Л. 48 – 49 об.

[24] РГБ, Тихонравова, № 562. Л. 25.

[25] РНБ, Титова, № 1627. Л. 78.

[26] БАН, Тимофеева, № 2. Л. 8.

[27] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 3 – 3 об.

[28] Там же. Л. 10 об. – 11.

[29] «Притчи, или баснословие, Езопа Фриги» в переводе Ф. Гозвинского, цит. по: *Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р.* Указ. соч. С. 251.

[30] «Книга, глаголемая притча Езопа Францкаго», цит. по: *Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р.* Указ. соч. С. 401.

[31] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 11.

[32] БАН, Тимофеева, № 2. Л. 18.

[33] ГИМ, Барсова, № 2463. Л. 63 – 63 об.

[34] БАН, Тимофеева, № 2. Л. 19 об. – 20.

[35] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 14 об. – 15.

[36] РГБ, ф. 218, № 900. Л. 172 об. – 176 об.

[37] РНБ, Q. XIV. 133. Л. 12–13.

[38] Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа / Пер. С. Волчкова. СПб., 1747. С. 143–144.